

РАДОСТЬ ОТКРЫТИЙ

У этого певца счастливая судьба. Каждую его новую работу ждут с интересом, каждая находит живой отклик. Впрочем, дело тут, конечно, не в счастье и даже не только в таланте, хотя его щедро опущено народному артисту СССР Евгению Нестеренко. Особые симпатии вызывает присущий ему творческий огонек, поистине неутолимая жажда к открытию нового, неизведанного.

Высоко оценил его Дмитрий Дмитриевич Шостакович, говоря о певце, в то время едва вступившем на путь к признанию: «Этот артист выделяется среди своих коллег не только яркостью и своеобразием таланта, но и интенсивными творческими поисками, постоянным вниманием к новой советской музыке. Нестеренко во всех отношениях является достойным продолжателем новаторских традиций русской вокальной школы».

Наша встреча с Евгением Евгеньевичем и состоялась под знаком музыки его любимого композитора. В Большом зале консерватории шла генеральная репетиция Четырнадцатой симфонии для камерного оркестра, сопрано и баса, звучавшей в ознаменование 75-летия со дня рождения Д. Д. Шостаковича. Дирижировал такой же страстный почитатель его творчества видный польский композитор Кшиштоф Пендерецкий, партию сопрано пела М. Касрашвили.

В разговоре, который возник во время антракта, вспоминали о том, что мой собеседник был одним из первых интерпретаторов партии баса в этой симфонии еще при жизни автора, что тот с радостью доверял ему и премьеры своих камерных сочинений, вокальных циклов.

Наш разговор вернул меня к далекому, незабвенному для Нестеренко вечеру, когда в Малом зале Ленинградской филармонии недавнему выпускнику консерватории, еще малоизвестному певцу довелось быть первым исполнителем цикла сатирических

миниатюр Шостаковича в ансамбле с автором, игравшим партию фортепьяно. Так началась эта творческая дружба, длившаяся до последних дней композитора. Одно из своих предсмертных произведений — сюита на тексты Микеланджело — Шостакович создавал в расчете на голос Нестеренко.

— Наверное, не меньшее место в вашей жизни занимает творчество Георгия Свиридова. По крайней мере вас называют одним из лучших интерпретаторов его вокальной лирики?

— Творческое общение с этим большим художником всегда источник радости. Я пою почти все его вокальные сочинения, и каждое мне дорого по-своему. Это музыка, от которой всегда веет свежестью, могучим духом родной песенной стихии.

— А какое место занимает в вашей жизни Сергей Прокофьев?

— С ним также связана памятная для меня творческая вежа. Еще студентом консерватории получил приглашение Малого оперного театра исполнить там партию короля Треф в опере «Любовь к трем апельсинам». Дебют посчитали удачным и меня приняли в театр солистом. Много позже был Кутузов в опере «Война и мир» на сцене Большого театра. А сейчас — снова встреча с Прокофьевым: буду впервые петь партию Мендозы в опере «Дуэнья», премьеры которой должна состояться у нас в этом сезоне.

— Масштабы вашего репертуара в музыке советской и особенно классической хорошо известны. Известно также, что вы щедро прибавляете к нему все новые партии. Ведь сравнительно недавно вы взяли такую вершину, как образ Ивана Сусанина!

— Путь к этой вершине был нелегким и длительным. Вехах были Руслан и Игорь, Досифей и Кончак, Борис Годунов и Кутузов. Пел Сусанина с такой любовью и трепетом, какие испытываешь нечасто. Стремился как

можно глубже проникнуть во внутренний мир русского крестьянина-патриота, воспетого Глинкой, передать величие его духа, нравственную красоту.

— Евгений Евгеньевич, в нашей беседе получился вполне законный «крен» в сторону отечественной музыки — вас знают во всем мире как страстного и последовательного ее пропагандиста. Но вами ведь созданы замечательные образы и в зарубежной оперной классике, такие, например, как Филипп в «Дон Карлосе», Мефистофели в операх Гуно и Бойто, драматической легенде «Осуждение Фауста» Берлиоза. Что нового думаете вы прибавить и в этой области?

— Хочу спеть партию Эскамильо в «Кармен».

— Так ведь это партия для баритона?

— Так же, как и многие другие — Князя Игоря, например, Алеко, Руслана... Просто их так давно поют басы, что это никому не кажется удивительным. Эскамильо же басы практически еще не пели. Вот мне и хочется попробовать. Причем это не причуда. Думаю, что образ, созданный Бизе, рассматривают порой слишком однозначно — как несколько самодовольного блестящего баловня судьбы. А между тем в музыке французского композитора, на мой взгляд, есть и иной «строительный» материал — для создания характера волевого, мужественного, полного упоения жизнью, борьбой. Такой Эскамильо составит бо́льший контраст образу Хозе, основательнее оправдает вспыхнувшее чувство Кармен.

Над этой партией рассчитываю скоро начать работу. А последние недели были уж очень насыщены: текущая работа в театре и на концертной эстраде, спел в «Реквиеме» Верди под управлением Р. Мути в Мюнхене, возглавлял жюри конкурса вокалистов имени Виотти в итальянском городе Верчелли. И наконец — педагогика, одно из самых стойких и дорогих мне увлечений. Ведь в классе я не только учу, но и постоянно учусь сам. «Держать в руках» чужой голос это такая ответственность!

К. САМОЙЛО.

117 НОЯ 1981

ВЕЧЕРНИЙ МОСКВА
С МОСКВА